

НАТАЛЬЯ КУПРИЯНОВА

Толерантность без границ

Наталья Куприянова
Толерантность без границ

«Издательские решения»

Куприянова Н.

Толерантность без границ / Н. Куприянова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839295-5

Высока ли политическая жизнеспособность идеи, не принимаемой обществом? Большинство дадут отрицательный ответ, и только немногие, кому известны определённые теории, знают, как с их помощью в сознание социума можно насадить любую идею, завуалировав весь процесс под естественный ход вещей. Можно ли с этим бороться? Вопрос, на который ответить оказывается совсем нелегко...

ISBN 978-5-44-839295-5

© Куприянова Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	19
Коррекция сознания	19
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Толерантность без границ

Наталья Куприянова

© Наталья Куприянова, 2019

ISBN 978-5-4483-9295-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Мира повернула голову именно в тот момент, когда мимо палаты проходила Ольга Николаевна Миронич. Они встретились глазами – короткий молчаливый диалог, и последовавшие за ним скромные улыбки. Мира знала всех докторов больницы, в которой лежала её дочь Вероника, и она вместе с ней, но только этому врачу-гематологу, единственному, кому можно было приоткрыть душу, Мира улыбалась, не принуждая себя. Для всех остальных – сдержанное «здравствуйте» и монотонное «до свидания» без жалоб и лишних вопросов. Некоторые считали, что убитая горем мама просто обиженна на весь мир, и ничего, кроме презрения, к окружающим не испытывает. Но так было только в самом начале, когда после двухмесячных скитаний по больницам диагноз был установлен, и семью из трёх человек поздним вечером привезли сюда. Тогда мучил один вопрос: *за что?* Почему именно её дочь, единственную, любимую, старательно оберегаемую от всех ненастий, поразил страшный недуг? Чёрная от горя и слёз Мира ничего и никого не замечала и не слушала, не могла. И только Ольга Николаевна, обладая умением ненавязчиво сопереживать, не давала ненужных советов, не бросала то ли умышленно, то ли по простоте душевной несодержательных фраз, и не пыталась уверить, что всё можно пережить.

Время... Оно не останавливается даже в такие моменты. Возможно, только это спасает. Через день, неделю или месяц, всё равно приходит понимание, что нужно жить дальше, потому что выбора нет... потому что в ответе не только за себя... Именно так произошло с Мирой. После безнадежного заточения в своём разрушенном мире, в котором и не заметила, как застряла, однажды сознание прояснилось, и она увидела себя словно со стороны. Вдруг стало ясно, что не этого от неё ждали – Вероника, муж, больничные персонал. Но настоящим открытием для неё стало то, что она далеко не одна такая, в чью жизнь ворвалось несчастье. А значит, нечего своё горе выставлять на пьедестал и упиваться им, жалея себя вновь и вновь. Здесь всем не повезло, и всем нужно немного сострадания и поддержки, и не только на словах. И Мира вернулась в унылую реальность, и была признательна тем людям, которые говорили с ней не о... лейкемии.

Диагноз – тяжелая форма лейкоза – прозвучал как приговор. В одно мгновение всё рухнуло: спокойная жизнь без особых забот; привычный уклад – когда-то его так хотелось поменять, что в результате и произошло; обыденное семейное существование, которое после такого события просто невозможно переоценить. Миру уверяли, что это ещё не конец света, но она, конечно же, не поверила. На тот момент в это просто не верилось. Но вера в лучшее всё равно пришла. Ведь она прорастает даже когда душа – высушенная безнадежностью пустыня, и крепнет назло всему, что мучает и не даёт спать по ночам. И не важно, что прогноз даже при самом лучшем лечении неблагоприятен. Подтекст каждого разговора с врачами невозможно было не уловить: *Вероника обречена* – говорили равнодушные глаза. А вслух с профессиональной отстранённостью произносили, что есть лишь маленькая надежда на кратковременное улучшение. Но Мира решила бороться за призрачную надежду, за каждую минуту жизни самого дорогого человека на земле. После четырёх месяцев, проведённых в палате со стеклянными стенами, после страшных приступов судорог и ночью, и днём, свидетелем которых ей довелось быть, после реанимационного отделения и интенсивной палаты, после процедур и исследований, исследований и процедур... надежда не умерла. А когда отчаяние брало верх, Мира тихо плакала, отворачиваясь к стене, или выходила из палаты. Ей говорили, что плакать нельзя, не положено, и только Ольга Николаевна опровергла это правило: *«Не запрещайте себе реветь»*, – говорила она. – *«Ведь это действительно страшно. И лучше этот страх выплывать, чем подавлять в себе»*. Дельный совет, как потом выяснилось. Слёзы не позволили окончательно замереть, замкнуться.

...Мира взглянула на свою дочь: Вероника спала. А можно ли этот провал в беспмятство после очередной химиотерапии назвать сном? Казалось, лекарства убивают в ослабленном организме всё живое, добивают его, и с каждым днём этот процесс ускорялся. Мира закрыла глаза, чувствуя, как настойчиво подступают слёзы – всё-таки привыкнуть невозможно. Но нельзя сейчас размякнуть. Дочь в любой момент может проснуться, а видеть такую нерадостную картину после тяжёлого пробуждения ей совсем ни к чему.

Как ни старалась Мира, а угомонить разыгравшуюся грусть не получалось. Когда давиться всхлипами надоело, она тихо встала и так же тихо вышла в коридор. Прильнула к стене, преодолевая огромное желание разрыдаться. Но и успокаивать себя не хотелось. Снова неумело врать себе, что бывает и хуже. Да разве есть что-то ужаснее, чем наблюдать, как в муках умирает твой ребёнок, медленно угасает как свеча... а вместе с ним и ты. Хотя о себе Мира думала меньше всего, давно смирившись, что стала тенью с потухшими глазами. И смысла в этом душевном состоянии не было. Нет никаких истин, которые нужно постичь... или она так и осталась к ним глуха? Мира видела только пустоту – вокруг и внутри себя. Бесконечную ничего не значащую пустоту...

Из соседней палаты вышла Альбина – усталая и немного раздражённая. Отмахнувшись от слов медсестры, брошенных ей вдогонку, она тяжело вздохнула, уставившись в каменную преграду на пути. Её двенадцатилетнему сыну поставили диагноз – острый лейкоз – чуть больше месяца назад. Может, поэтому она всё ещё смотрела на всех с затаённой обидой, словно все кругом виноваты, что именно ей так не повезло. Вся её жизнь – жизнь жены влиятельного политика – изменилась в один момент. От этого ли ей тяжело или от обстановки, в которую попала, как она думала, совершенно несправедливо? Временами мрачное будущее, нарисованное её утомлённым, угнетённым сознанием, виделось ей почему-то очень чётко, и никто не в силах был повлиять на чёрно-белые зарисовки в забитой несвязными мыслями голове. Но Мира была уверена, что ещё неделька – другая, и всё изменится. Просто очень сложно, когда нет времени на адаптацию к новой реальности, в которой нужно жить сразу, с первого дня, и осознавать, что перемены, конечно же, наступят, но не обязательно в лучшую сторону.

– Здравствуй.

Альбина, догадавшись, что обратились к ней, обернулась. Ответила не сразу, словно забыла подходящее слово.

– Привет... – сказала и запнулась, задумавшись.

Мира гадала, спросить или нет о состоянии Жени, но никак не могла выбрать вариант, поэтому молчала. Альбина, ненавидевшая тишину, нарушила её с огромным удовольствием:

– Сколько ещё это продлится?

А в продолжении: *«За что? За какие грехи? Почему? Ну почему?»*. Эти вопросы одолевают каждого, кто попал сюда. Мира понимала, что нужно поддержать, успокоить, но что сказать не знала. Ведь она так же смотрит каждый день на бледное лицо своей дочери, в большие, полные ужаса глаза, и читает в них огромное желание жить.

– У Женечки кровь из носа пошла... Медсестра с ним... А я ушла... Не могу на это смотреть...

– Но ему ты нужна, а не медсестра...

Поджав губы, Альбина качнула головой:

– Я хотела увезти Женечку за границу... Найти хорошую клинику...

– Эта клиника – хорошая. Лучшая в стране.

– ...Но муж против, – продолжила Альбина, не услышав реплику собеседницы, или сделала вид... – Какой, мол, пример он показывает своим избирателям? Как будто мне есть дело до его избирателей... Ведь речь идёт о нашем сыне! Поговорю с мужем ещё раз... Он поймёт, он должен понять...

– У вас много шансов на выздоровление. Ваш случай не... такой тяжёлый... Думаю, поэтому твой муж решил, что нет необходимости везти сына в другую страну.

– Ох, Мира! – вспыхнула Альбина, развернувшись всем корпусом к собеседнице. – Конечно же, наш случай тяжёлый. Это же лейкемия... А шансов у нас как у всех... не так уж и много...

В общем-то, Альбина права – решила Мира.

– Ну, что ты говоришь? Зачем так нагнетать?

– Нагнетай или не нагнетай – всё равно это ничего не изменит... Мой мальчик... – Альбина всхлипнула. – Как Женя это перенесёт? Ему ведь только двенадцать... Как мы все это перенесём?

Мира устало закрыла глаза. Разговор – совершенно ненужный – стал раздражать её.

– Придётся жить и надеяться... Иного пути нет.

– Я так хочу домой. Всё здесь осточертело... Это не больница, а ад. Вот я смотрю на некоторых... на тех, у кого и так всё ясно... – Альбина украдкой взглянула на Миру. – Как они справляются с этим?

– Как-то справляются...

– А может... – Альбина подняла голову, словно на неё снизошло озарение. – А нужно ли лечить безнадежно больных?

Мира прокрутила вопрос в голове и открыла глаза, подумав, что просто поняла неверно высказанную мысль.

– О чём ты?

– О том... Может, стоит забирать таких детей домой и будь что будет? Ведь болезнь всё равно смертельна. Ведь так?! Днем раньше, днем позже... Только мучают ребёнка и мучаются сами... Бедные детки так страдают...

Хотелось сказать так много, но Мира произнесла лишь:

– ...Нельзя сдаваться... Нельзя поддаваться отчаянию...

– Ты, наверное, уже привыкла. А я... Женечка на меня смотрит, спрашивает, что с ним и скоро ли мы поедим домой... Я не знаю, что ему отвечать... Вру, что скоро, а ведь лечение, скорее всего, затянется надолго... А поможет ли оно?

Чувствуя, как нарастает протест в душе, Мира первую фразу почти выпалила, удивив резкостью:

– Ты ошибаешься. Дети обычно знают свои диагнозы, и представляют, насколько они серьёзны... – Остановилась, перевела дыхание. – Но они все хотят жить, поэтому и переносят всё это стойко, почти без слёз и жалоб. Смотришь на них и удивляешься: откуда столько сил и терпения? Конечно, в минуты отчаянья кажется, что забрать ребёнка домой и ждать, сколько отмеряно, проще. Но так только кажется... Я в этом уверена... Разве легче смотреть на страдания своего ребёнка и ничего не делать? Они так благодарны за то, что их не оставляют, не бросают, что они не одни, что за них сражаются.

Альбина прошлась ладонью по волосам, поправив растрепавшиеся волосы – привычка всегда выглядеть хорошо.

– ...Ты права... конечно же... Это я так... – Альбина растерянно улыбнулась. – Женя сам убирается в палате, хотя в этом нет нужды... Говорит, что ему это не в тягость... Что отвлекает...

– А моя Вероника, когда не спит, пишет стихи... Какие они красивые... – Мира была рада сменить тему. – Всякий раз, как она приходит в сознание, первое, что говорит мне, что у неё ничего не болит... Заботится обо мне...

Альбина опять всхлипнула:

– Я этого не вынесу.

– Куда ты денешься?

На этой фразе женщины разошлись по палатам, одновременно осознав, что говорить больше не хочется. Какие-то они подчёркнуто разные. Но это и не мудрено. Альбину, по её рассказам о себе, о прошлом и настоящем, да и вообще обо всём другом, жизнь не особо напрягала. Вернее, совсем не напрягала, не загоняла в угол, не вызывала на бой. Возможно это от довольно-таки лёгкого отношения ко всему и ко всем, а, следовательно, неглубокого вникания в саму эту жизнь, в её перипетии, переплетения. Смысл существования был для неё предельно простым и ясным: жить на полную, и брать от окружающего мира как можно больше, а лучше всё, ведь живём только один раз! И Альбина в этом деле очень даже преуспевала. Будучи дочерью состоятельных родителей, она удачно вышла замуж и собиралась так же удачно прожить всю свою долгую и яркую жизнь. Сомнений не возникало, что так будет всегда, но кто-то свыше внёс свои коррективы – причудливые и бессмысленные, как считала Альбина. Вот только Вселенную не интересует личное мнение каждой своей частички. У неё свои планы, и она их воплощает, ни с кем не советуясь.

Болезнь сына сразила наповал. Ни Альбина, ни её муж – лидер ведущей политической партии, ни родственники и близкое окружение не были готовы к столь неожиданному повороту судьбы. Такие семьи трагические события обычно обходят стороной. Но факт – вещь упрямая. Раз уж случилось несчастье, то нужно искать не причины, а выход.

Хоть люди не боги, но внушительные суммы банковских счетов, нужные связи и возможность зайти в те двери, которые открываются при наличии вышеперечисленного, позволяют иногда и простым смертным творить чудеса. У отца Жени – Петра Александровича Валенко было всё, чтобы спасти единственного сына, с которым связано столько надежд, столько планов на будущее уже построено. Только он не задавался вопросом: за что? В отличие от остальных, Пётр Александрович увидел во всём случившемся – знак свыше... практически. Для него это был шанс продемонстрировать патриотизм, любовь к своей стране, веру в неё, в состоятельность отечественной медицины, и этим шансом глупо было не воспользоваться. Недолго размышляя, Валенко, всё же предварительно посоветовавшись с врачами, пиарщиками и кукловодами, решил пока не увозить сына на лечение за границу. Ведь лучшие доктора – светила отечественной науки, убедили его, что Жене совершенно точно могут помочь на родине. А такой поступок, такое единение с народом обязательно оценят и на следующих выборах люди проголосуют правильно, поставив галочку в нужном квадратике... Как ни крути, а от повседневной жизни никуда не деться. Нужно думать о будущем, ставя интересы государства (?) выше личных, иначе можно очень быстро потерять всё, что достигнуто огромным трудом. Рассудив так, взвесив все «за» и «против», Валенко принял решение «остаться», не смотря на протесты Альбины.

...Мира тихо зарыла за собой дверь, поменяла халат, и только после этого вытерла слёзы. Поискав глазами зеркало, и не найдя его, она только потом вспомнила, что этой вещицы в палате нет. Ещё два или три месяца назад мать и дочь решили, что в нём нет никакой нужды. Искажённые, конечно же, искажённые отражения только огорчали, разжигая очередную депрессию. Да и на что смотреть? На застывшую, забетонированную печаль? Никогда она уже не уйдёт, не сотрётся с радужной оболочки глаз. Так и будет жить в глубине измученного сердца, напоминая о себе в самые неподходящие минуты. Вот и сейчас горечь придавила своей неосязаемостью, сдавила в груди и не отпускала. Не хотела отпускать, и надеяться не стоило на скорое прощание...

Тихо, почти на цыпочках, Мира подошла к кровати. Присела рядом на стульчик и долго смотрела на свою дочь. Вероника казалась такой хрупкой, такой беспомощной, и как же защитить её от самого беспощадного, но самого беспристрастного врага? Смерть притаилась и терпеливо ждала своего триумфа. Она была рядом с первых дней, о которых Мира всегда вспоминала с содроганием. Только и оставалось сожалеть, что подозрения оправдались. А тогда ещё верилось, что слабость, от которой Вероника засыпала на ходу, и постоянная беспричин-

ная температура результат авитаминоза или ещё чего-то безобидного... Бледная и вялая, она продолжала ходить в школу, убеждая себя и родителей, что всё скоро пройдёт, и жизнь станет как прежде: беззаботной и весёлой.

– Мама...

Мира очнулась от воспоминаний. Заглянула в блеклые глаза и улыбнулась, надеясь, что улыбка получилась не искусственной.

– Ты проснулась...

– Да... – Вероника заёрзала на кровати. – В такой неподходящий момент...

– Почему неподходящий?

– ...Потому что мне снился хороший сон...

– Какой?

– ...Мне снилось, что я летаю в облаках... – Вероника закрыла глаза, вспоминая каждую деталь сновидения. – Они такие белые, такие лёгкие... А внизу всё такое маленькое-маленькое... Но тут я вижу, как садится солнце и понимаю, что пора домой, что меня ждут... А мне так не хочется возвращаться... – Исчезнувшая улыбка словно подтвердила сказанное. – Мне было так хорошо... Так свободно в этом полёте...

Мира взяла руку дочери и поцеловала её.

– И всё же не забывай обо мне... Мне без тебя... будет очень одиноко...

Вероника открыла глаза.

– Ну, что ты, мамочка... Я же не ушла... Не насовсем...

Тяжёлое молчание встало между родными людьми, словно хотело вбить клин.

– Когда папа придёт?

– Он звонил... – Мира решила обойтись без надоевшего слова «скоро», которое и так долго растягивала, а ведь оно не резиновое, и сроки давно истекли.

– И что сказал?

– ...Что очень скучает... и ждёт твоего выздоровления... Вот ты поправишься, и мы с тобой будем гулять по набережной... как раньше... А ещё лучше – уедем далеко...

– На край земли?

– Почему бы и нет?

– А там есть океан?

– Бескрайний, как само небо...

– Я так хочу увидеть океан... Это моя мечта...

– Она исполнится... обязательно...

– Не плачь, мама, не надо.

– Я не плачу. – Мира быстро вытерла слёзы. – Уже не плачу...

– Кто-то смотрит на нас... Это Женя?

Мира повернула голову к стеклянной стене. За ней действительно стоял Женя и смотрел печальными глазами. Вероника не могла разглядеть ни выражение лица, ни его черты – зрение катастрофически упало. Но никто не знал лучше неё, о чём молчал её сверстник.

– Да, это Женя.

– Пришёл меня навестить... Жаль, что я не могу выйти к нему... поболтать... Как он?

– ...Лучше... Но прогнозы делать рано...

– Когда я поправлюсь, можно пригласить его к нам в палату?

– ...Думаю, что да...

– У него такие грустные глаза... Я их помню так хорошо, так отчётливо... Он обязательно справится с болезнью... Почему-то я в этом уверена...

– Так и будет...

Через час Вероника снова уснула. Мира по обыкновению залезла в интернет в поисках спасения своей дочери. Что она искала? Неизвестную вакцину или чародея, который если и не мог помочь, то хотя бы знал, где и как найти «то, не знаю что», волшебную палочку или живую воду на худой конец. Пока поиски не давали никаких результатов, что вгоняло в отчаяние, способное, казалось, довести в итоге до безумия.

Телефон завибрировал, высветив имя абонента. Вторая, третья, пятая... секунды уплывали, а решение никак не принималось. Но ведь звонит родной человек, которого просто невозможно проигнорировать... Во всяком случае, не сейчас, после двухдневного молчания со стороны этого родного человека... Мира ответила только в коридоре, в самый последний момент, и лишь для того, чтобы попытки дозвониться сегодня больше не повторялись.

– Алло.

– ...Привет... – было сказано после паузы.

– Здравствуй.

И опять пауза. Наверное, из-за холода в голосе – не сдержалась, но корить себя Мира не собиралась, как и что-то ещё добавлять.

– ...Ты спала?

– Нет.

– А Вероника как?

– Спит.

– А вообще... как?

– Улучшений нет.

– ...Ясно.

Раздражённость прошла, а в место неё нахлынуло безразличие. Мира уже смирилась с позицией своего мужа и отца Вероники. Из-за вечной занятости на работе, чувствительности, от которой глава семейства постоянно сокращал число визитов и ещё от чего-то, во что вникать уже и не хотелось, но что заставило по-иному взглянуть на привычный мир, они стали реже друг друга видеть, разговаривать, выслушивать сумбурные мысли, не перебивая. Да и вообще они отдалились друг от друга... или это воображение подводит, или не было никогда этой пресловутой близости? В любом случае после всего, что случилось, стало понятно (впрочем, понятно было всегда), что статус замужней женщины не избавляет от одиночества, а душевными переживаниями делиться не с кем.

– Витя, ты что-то хотел, или просто так звонишь?

– Вообще-то, я внизу... Хотел тебя увидеть...

– Ладно, я спущусь, – подумав, ответила Мира, и закончила разговор.

В этот момент из дальней палаты тихо вышла Ольга Николаевна. Поникшая, она смотрела в сторону, ни на чём не задерживая взгляд. «*Прячет слёзы*» – подумала Мира, и поняла, по какому поводу эти слёзы. Догадаться было несложно. Потому что именно здесь, то, о чём не думаешь, не размышляешь, и даже не планируешь уделять этим мыслям ни секунды своего времени, становится таким пронзительно очевидным и понятным, что и не нужно выстраивать слова в длинные предложения. Не нужно ничего объяснять, доказывать... Только что врач с внушительным стажем работы в больнице для онко-больных детей закрыла глаза девятилетнему Андрею, проиграв битву за жизнь. Для неё это не впервые... Да и пора бы уяснить неписаное правило: нельзя пускать пациентов в своё сердце. Вот-вот... Именно так и надо. Подумаешь! Не стало одного из миллиардов, только и всего... Но потеря для некоторых невозможная...

Ольга Николаевна прошла мимо, едва качнув головой, а вслед за ней тишина – особенная, в которой медленно тонешь, словно так и должно быть.

– Нет, всё-таки нужно убедить мужа увести Женечку.

От голоса Альбины Мира вздрогнула. Она не слышала шагов за спиной, и тем более не ожидала, что в такой момент будет сказана именно эта фраза, совершенно неуместная. Но Альбина не смотрела на Миру, поэтому не прочла в её глазах возмущение.

– А говорят, лучшая больница в стране. Пока я здесь, это уже вторая смерть. Я всё больше переживаю за сына...

– ...Не всех можно вылечить... Ведь всё зависит от...

– Разве этот мальчик...

– Андрей.

– ...болел чем-то особенным? Лейкемия, как и у всех.

Мира не хотела вдаваться в подробности, но промолчать сложнее:

– У него был миелобластный лейкоз, а он плохо поддается лечению. Даже мощнейшая химиотерапия не всегда может помочь.

– Я не знаю, чем этот диагноз отличается от диагноза моего сына.

Мира задержала дыхание, сосчитала до пяти и выдохнула:

– ...И не надо...

– Ой, Мира, что ты так расстроилась? Что сердце надрывать по каждому поводу?

Мира ничего не ответила – стоит ли возмущаться по каждому поводу?

– Этот мальчик... Андрей – да? Он ведь почти год здесь лежал...

– Да. И этот год был для него мучительным...

– Нужно ли было продлевать ему страдания? Всё равно не помогли...

– Ты когда-нибудь смотрела ему в глаза?

– Кому? – недоумённо спросила Альбина?

– Андрею.

– ...Нет.

– Жаль. Тогда бы ты увидела, как он хотел жить. А ещё в его глазах было много тоски.

Но она появилась со временем... Ведь он не сразу понял, что продолжения не будет...

Мира умолкла, неуверенная в необходимости говорить дальше. Повернув голову, она поняла, что сомневалась не напрасно. Альбина по-прежнему думала о своём.

– Как же мне повлиять на Петю? Он такой упрямый... Слушает только своих советников...

– Извини, мне нужно идти...

И Мира пошла по коридору, который, почему-то не заканчивался. И всё-таки она дошла до поворота, спустилась по лестнице, остановилась у окна... Уставилась в пустоту, словно хотела найти в ней доказательства, что не бывает ничего лишнего... Но и тут мешали границы света от фонарного столба. Шаг в сторону, и она оказывалась во мраке... Ночь за стеклом смотрела со всех сторон, проникая в душу осенним холодом. Не спасали даже каменные стены... Ничто не спасало.

На первом этаже, в вестибюле Миру ждал муж. Не сказав друг другу ни слова, они присели, устремили глаза в пол и молчали, пока у Вити не зазвонил телефон. Отключив его, он поднял голову, осмотрелся и спросил:

– Что так долго?

– ...Только что на нашем этаже умер мальчик...

Сначала прозвучал тяжёлый вдох, за ним последовал такой же тяжёлый выдох, а потом и озвученная мысль:

– Мне жаль, что ты это увидела.

– А мне нет. – Мира тоже подняла голову. – Но не будем об этом. Лучше скажи, как ты?

– ...Нормально...

– Как наша квартира?

– Всё на месте.

– Без нас так же как было с нами?

– Нет... Конечно, нет...

– Какие новости?

– ...Никаких, в общем-то... Все привет вам передавали... Все ждут вашего возвращения...

– Химиотерапия не помогает.

Короткое предложение прозвучало жёстко, даже жестоко, увенчав попытку поднятия настроения провалом. Виктор от неудачи даже немного осунулся, почувствовав себя не в своей тарелке. Благородный порыв его души не оценили, что расстроило.

– ...Нужна операция по пересадке костного мозга?

– Нужна была... раньше, когда физическое состояние Вероники позволяло ей перенести такую операцию. А тогда не было денег, впрочем, их и сейчас нет.

– Я понимаю, что зарабатываю не столько, сколько нужно...

– Столько, сколько нужно для лечения, зарабатывают немногие на этой планете. Так что не кори себя напрасно. Хорошо, что существуют благотворительные организации...

– Но на операцию денег не нашлось...

– Спасибо и за оплаченные лекарства. Мы бы никак не потянули эту статью расходов...

Не зная, какие слова поддержки не прозвучат фальшиво, сконфуженный муж, понизив голос, сказал:

– Может, всё обойдётся... – и виновато поджал губы, встретившись взглядом с женой. – Надо только верить...

– В чудо? Именно это я и делаю – верю в чудо. Больше не во что.

Сколько дней они не виделись: семь или десять? Виктор, когда Мира опустила глаза, взглянул на неё по-новому. Рядом с ним сидела совершенно незнакомая ему женщина, в глазах которой одна боль. Они и до болезни дочери были всегда странной парой. А теперь разность отчётливо проявилась, проложив между ними глухую стену. И приходил он всё реже, не потому, что был занят с утра до ночи на работе, и не потому, что не мог смотреть на умирающую дочь, хотя это, конечно же, не исключалось. Просто он не понимал, откуда у Миры столько душевных сил выдерживать то горе, которое свалилось на них. Она никогда не отличалась от других выдающимися способностями. Наоборот, кроткая, немного застенчивая, все достижения которой заканчивались на скромной должности музейного сотрудника. Все её мечты и порывы ничем не увенчались, и только семья стала единственным исполненным желанием, но и его подправила реальность... При таком раскладе источников черпать надежду и силы – нет. Всё это давало повод думать, что Мира сломается после первых трёх недель. Но сломался Виктор. Сдался, спасаясь бегством. Он специально засиживался на работе допоздна, прикрываясь должностью заместителя директора. Он хватался за любое поручение, сулившее долгое и нудное выполнение. Из-за этого он уходил позже всех, приходил в пустую квартиру, и не ужиная, ложился спать. Просыпался Виктор рано, всегда оттого, что приснилось что-то. Но ещё ни разу ему не удалось вспомнить сон. Он и не расстраивался по этому поводу. А вот приближение выходных его по-настоящему озадачивало. Что делать с таким количеством свободного времени он не знал, и спросить было не у кого. Жена могла бы дать дельный совет, но Мира была последним человеком на земле, кому бы он задал подобный вопрос.

Витя догадывался, что Мира видит его насквозь – в проницательности ей не откажешь, – и боялся, что она может принять такое поведение за трусость, которую, конечно же, не простит. Но Мира не только не обвиняла его, но и, пожалуй, поняла. Только в самом начале она пыталась навязать ему своё видение этой беды. Почему-то она считала, что его постоянное присутствие может положительно повлиять... На что? Наоборот, в его обществе Мира постоянно плакала, говорила – о чём – он и понять не мог. А потом всё изменилось. Плавно или в одно мгновение, Витя не помнил... не заметил... Ни жалоб, ни просьб с её стороны, лишь отстранённость,

которую, уже не победить. Вот и приходилось ему скрывать своё желание взять Миру за руку, потому что чувствовал, что ей это уже не нужно...

– Я так хочу, чтобы всё стало как прежде... Ты помнишь, как было?

Мира, не задетая даже слегка, осталась в своём мире, в своих мыслях, далёких и непонятных никому.

– Все лучшие воспоминания связаны с Ланой. Я помню, как она родилась, как училась ходить, как подарила мне на день рождения сделанную своими руками игрушку... А помнишь её в первый день первого класса? Как будто это было в другой жизни... – Мира отрицательно качнула головой. – Нет... Уже не будет как прежде... Никогда...

– Ведь у тебя есть ещё и я...

О том, что у неё была и есть только Вероника, Мира промолчала. Не время сейчас выяснять отношения.

– Поздно уже...

Витя похлопал ладонями по коленным чашечкам – не знал, как уйти без угрызений совести.

– Да, ты права... Пойду...

– Иди. Тебе рано вставать.

Витя прикоснулся губами к щеке, встал и растворился в тот же момент в небытие, оставив Миру гадать, а был ли он, или это очередная иллюзия.

Коридор пустовал. Никого. Совершенное одиночество, доставшееся Мире... как награда или как наказание? С минуту она ещё ждала неожиданного вмешательства и, соответственно, своего спасения. Но никто не появился даже мельком. Устав от вечного ожидания чуда, Мира добровольно заключила себя в крепкие объятия, принимая своё сиротство как неизбежность. Так она и сидела, размышляла о том, что исправить невозможно, и представляла мир за пределами этих стен. Она вдруг подумала, что успела подзабыть и отвыкнуть от повседневной жизни, которую оставила на далёком берегу, и этот берег, эта тихая гавань вот-вот скроется из виду. Она не давала на это своё согласие, впрочем, никто и не спрашивал. Но иного не дано, поэтому Мира, лишённая выбора, продолжала молча сидеть в своей лодке без вёсел, и наблюдать, как попутный ветер уносит её крохотный островок в открытое море, где нет спасения. Всё предрешено, всё известно наперёд: однажды случится шторм в десять баллов, и волны накроют с головой, ко дну, навечно...

Нет. О будущем ни слова. Его нет. Его, похоже, не существует не только в её голове, но и в той параллели, о которой говорят, как о непроверяемой действительности. И ни в какие игры её сознание с ней не играет. И не нагнетает. Просто Мира знает – неважно, откуда: когда чёрная шаль покроет поседевшую голову, конечно же, её тело продолжит волочить отмеренное кем-то существование, но душа отправится за утраченным счастьем. Сейчас, предоставленная самой себе, Мира ощущала, как то, что делало жизнь не такой нелепой, ускользает, просачивается сквозь пальцы, и удержать его нет ни единого шанса. Всё и все – взглядами или намёками – говорят, словно в унисон об одном и том же. Да так настойчиво, хотя можно уже и замолчать. Она знает: приговор давно вынесен, и запятая в нём стоит на своём месте. И вот сейчас он прочитан ею... В его правдивости Мира призналась себе без лукавства, преодолев свои страхи, чтобы больше не томили недосказанные, невысказанные мысли. Иллюзии остались на том берегу, куда она никогда не вернётся. Мира не любила слово «никогда», так же, как и не любила слово «всегда», считая эти наречия двумя крайностями, которые жизнь так любит опровергать. Но сейчас применение одного из них совершенно уместно. «*Никогда уже не будет так, как прежде*» – пронеслось в голове, чтобы это откровение запомнилось на все оставшиеся дни.

– Муж приходил?

Мира уткнулась в бледное лицо Ольги Николаевны и очнулась. Мысли оборвались, рассыпались. Снова их придётся искать по всем углам, собирать по фрагментам, склеивать...

– Да. Пришёл узнать, как дела.

– ...Хорошо, что он пришёл. А то что-то я давно его не видела. – Ольга Николаевна присела рядом, и перед тем как посмотреть на Миру, разгладила складку на белом халате. – В такой момент... вам так необходима поддержка близкого человека. А муж... и есть близкий человек...

– По крайней мере, должен быть таким.

Так боязно смотреть на мир широко открытыми глазами. Из-за комплексов и фобий всегда хочется что-то подкорректировать самостоятельно, что-то приукрасить, а что-то и вовсе не замечать или найти оправдание. Выслушивая откровения матерей своих маленьких пациентов, Ольга Николаевна давно подметила эту тенденцию, которой были подвержены, как она считала, все. Но Мира, похоже, собиралась стать исключением, возможно, несвоевременным.

– ...Мужчины по-иному переживают такие трагедии... Они ведь другие... По-другому видят этот мир, чувствуют и понимают совсем не так как мы... Порой им сложно выразить свои чувства, потому что они боятся показаться и нам, и себе слабыми...

– Больше понимания и терпения? Я стараюсь. Мне ведь совсем не хочется запомниться эгоистичной требовательной истеричкой.

– Этими качествами вы не обладаете. А почему запомниться? – удивилась Ольга Николаевна, но быстро добавила: – Извините, это не моё дело.

– Не переживайте. Это уже решённый вопрос, и он меня больше не волнует. Поэтому могу поделиться... с тем, кому доверяю... Какой бы ни был конец, а он почти на сто процентов известен, наш с Витей брак подошёл к своему логическому концу.

Ольга Николаевна опустила глаза, уйдя в себя на несколько секунд. А когда вернулась, сказала:

– Грустно, особенно сейчас...

Мира, чересчур спокойная, пожала плечами:

– Именно сейчас это стало так очевидно, что необходимость скрывать неприятную правду от себя отпала. Надоело притворяться, надоело врать, в первую очередь самой себе. Нельзя опускаться до такой низости даже когда кажется, что это оправдано нашими, часто притворными, стремлениями сделать чью-то жизнь лучше... Да, да, я знаю: это слишком категорично. Но я не собираюсь навязывать своё мнение. Я могу говорить только о себе и за себя. А я решила, что больше так жить не буду.

– Мира... – Ольга Николаевна замялась, обдумывая, что и как сказать. – Переживать то, что сейчас происходит, и то, что... предстоит пройти, легче вдвоём, чем одной.

– Одиночество... Его так боятся, так ненавидят... Избавляются от него любыми способами, и для этой цели все средства хороши.

– Человек по природе своей не может быть один...

– Но и в обществе нам сложно ужиться. Иначе откуда столько злости, столько ненависти друг к другу?

– Это от отсутствия счастья.

– Это не повод поощрять в себе эгоизм и равнодушие. Впрочем, счастье тоже не делает людей лучше...

– Может, это оттого, что сами люди не стремятся стать лучше?

– Может быть. Вот и я медленно погружаюсь во мрак, и мне всё меньше хочется с этим бороться. И не одиночество меня страшит. Меня пугает пустота, которая непременно придёт после того, как моя девочка уйдёт от меня...

– Мира...

– Не надо, не утешайте.

– ...Вы же понимаете, что нужно жить дальше...

– Нужно? Кому? – возмутилась Мира. Вспыхнула, но на секунду. Потом понизив голос, добавила: – Не жалейте меня. Сожалеть не о чем. Не о ком...

– Это не так.

– Я знаю, что это правда, хоть и горькая. Мне уже сорок, а ничего толкового за эти сорок лет я не сделала. Ждала что ли своего момента? Вот теперь понимаю, что упустила его. А может, его вообще не было и не должно было быть. Я одна из миллионов, миллиардов, кто не оставит после себя ничего. Но это не было бы трагедией, если бы... Если бы не навязчивое желание сделать что-то стоящее. Не для себя, для других. И «спасибо» мне не нужно. Обойдусь... – Мира горько улыбнулась своей тени. – Моё время ушло. И в этом никто не виноват.

– Не говорите так. Вы не можете знать наперёд.

– Сегодня могу. Сегодня я почти что провидица. Ведь не сложно угадать будущее, которого нет. – Мира резко повернула голову, немного смутив откровенным взглядом. – Вот вы... Вы помогаете детям...

– Не всем...

– Но это не ваша вина. Вы стараетесь, вы хотите помочь...

– Это мой врачебный долг...

– Есть только долг совести, всё остальное ерунда. Если вы вдруг меняете профессию, вы пройдёте мимо человека, нуждающегося в помощи?

– Нет.

– Потому что вам совесть не позволит.

Услышав шаги, женщины посмотрели в ту сторону, откуда они исходили, и увидели Альбину. Она подошла, спрятала руки в рукава и присела напротив.

– А я вижу, тебя нет в палате, – обратилась Альбина к Мире. – Ты давно ушла, но так и не вернулась...

– Ты не обратила внимания – Вероника спит?

– Она спала, когда я смотрела.

– Хорошо...

– Женя тоже спит. А мне не спится. Надоело сидеть в палате, вот и вышла поболтать. – Любопытство вспыхнуло в карих глазах жены депутата. – А вы тут уже о чём-то шушукаетесь. О чём разговор?

– Да так... О разном...

– О предназначении каждого человека, – добавила Мира.

– Интересно...

– Просто настроение такое... Вот и говорим о чём ни попадя.

– Действительно странная тема... Я о таком никогда не задумывалась...

– Можешь это сделать сейчас.

Альбина слегка нахмурилась от сделанного ей предложения.

– А что тут думать? По-моему, у меня одно предназначение: быть женой своего мужа.

– И больше ты ничего не хочешь сделать в этой жизни?

Вопрос застал врасплох. Альбина ненадолго задумалась, нашла ответ, что было видно по её лицу, и выдала его:

– ...Пожалуй, хочу. Я об этом и раньше думала, но так вскользь. А когда сюда попала, поняла, что я просто обязана заняться одной назревшей проблемой. А это действительно проблема, которую не хотят замечать и понимать. Но продолжать дальше игнорировать такую чудовищную несправедливость неправильно. К тому же выход уже найден. Осталось только донести его до людей, объяснить, что такое положение вещей – это реалии сегодняшнего дня, это вызов нашего времени, и мы обязаны смело ответить на него... Ведь в некоторых странах,

кстати, самых продвинутых, уже давно не только всерьёз обсуждают этот вопрос, но и принимают конкретные меры. Пора и нам подключаться.

Альбина ещё долго собиралась говорить, если бы её не перебили вопросом:

– О какой проблеме идёт речь?

– ...Я знаю: вам, скорее всего, не понравится моя позиция. Но я здесь такого насмотрелась... Бедные дети... Некоторые из них обречены умирать в муках, и с этим ничего нельзя сделать. Потому что их лишили права выбора. Да им просто его не дали. Сейчас я понимаю, насколько это жестоко.

– Какого выбора их лишили? О чём ты говоришь?

– О выборе, который должен быть гарантирован законом.

После молчания, во время которого Ольга Николаевна и Мира пытались понять услышанное, но так и не поняли, прозвучала фраза:

– Если тебе не сложно – поясни, что ты имеешь в виду.

– Я говорю о том... – глубокий вдох позволил сделать короткую паузу. – Среди больных детей есть те, кому помочь невозможно. Им продлевают жизнь... из добрых побуждений, но тем самым сознательно продлевают их страдания.

– Им хотят помочь.

– А в итоге причиняют боль. А ведь всего этого можно избежать.

– Как? – Ольга Николаевна развела руками. – Вы знаете, как можно вылечить всех больных детей?

– Нет. – Альбина была явно недовольна, что её не понимают. – Я имею в виду... эвтаназию...

– Что?

– Только не надо так удивляться. Если вы хорошенько подумаете об этом, всё взвесите, то я уверена, моё предложение не будет казаться вам таким уж абсурдным.

Женщины переглянулись, задавая друг другу немой вопрос: это шутка? Но по виду Альбины было понятно, что она говорит более чем серьёзно, и, скорее всего, сама искренне верит, что выдвинутое ею предложение несёт в себе только благо. Проблема состояла в том, как убедить остальных. Те, кто был удостоен чести услышать новаторскую идею первыми, проявили не только непонимание, но и, судя по всему, не желали даже предполагать, что во всём сказанном есть рациональность. Но Альбина, будучи женой политика, и уже достаточно давно, благодаря чему хорошо знала о хитростях воздействия на сознание людей, продолжила свой монолог, приводя убедительные, на её взгляд, аргументы, называла цифры статистики и социологических опросов. Когда говорить надоело, а в двух парах глаз так и не появился даже намёк на поддержку, Альбина умолкла на три секунды, сложила руки на груди и спросила с вызовом:

– Гуманно ли смотреть на страдания детей и ничего не делать, чтобы их облегчить?

– Лучше убить?

– Не надо утрировать. Эвтаназия – это не убийство, а добровольный уход из жизни. Это право каждого человека независимо от возраста, и никто не должен отнимать это право. Именно это определяет нашу зрелость, наше великодушие. Толерантность не должна быть ограниченной... Зачем лечить тех, кого вылечить нельзя? Им от этого легче не становится.

– Зачем? Вы действительно долго искали ответ на этот вопрос или решили эту часть пропустить? – Спросила Ольга Николаевна с сарказмом.

Альбина не спешила с ответом, потому что вразумительные доводы закончились, как и терпение. Предчувствие фиаско заставляло нервничать и злиться на себя, и на двух непросвещённых женщин, не желавших понять всю важность такого большого дела. Альбина предполагала, что наткнётся на страхи и предрассудки, укоренённые веками в головах людей. Но она так же верила, что высокоразвитое общество всё равно со временем поймёт и поддержит её. Подумав так, она решила, что расстраиваться из-за первой неудачи не стоит.

– Я ведь говорю о безнадежно больных.

– Вы забываете, что для всех нас вынесен смертный приговор. И никому его не избежать. Так что же, давайте все умрём? Зачем дожидаться конца, когда можно самостоятельно обрвать свою жизнь?

– Просто мы понапрасну тратим и время, и силы, пытаясь излечить обречённого...

– Ни при каких обстоятельствах нельзя опускать руки. Ничто не бывает напрасным. Всё имеет свою ценность. А все эти рассуждения... – Ольга Николаевна нахмурилась. – Я врач, и на это у меня, как раз-то, нет времени.

Мира, перед тем как спросить, долго смотрела, изучая все детали знакомого лица, жесты, мимику. И всё равно не понимала, не могла понять.

– Альбина, если бы у твоего сына не было надежды, неужели ты предпочла бы такой выход?

– Смотреть, как он медленно умирает – ещё хуже.

– А ты уверена, что... Даже если предположить, что Женя выбрал бы эвтаназию, ты уверена, что это было бы его решение? Осознанное, выверенное? Ведь дети часто делают что-то в угоду родителям, или наоборот – назло, затаив обиду. Да и кто из взрослых отважится ввести смертельную инъекцию ребёнку, при этом, не посчитав себя убийцей? Нет, я не верю, что найдутся такие, кто добровольно сократит срок, отведенный маленькому человечку на этой земле. Конечно, тяжело и больно переносить такие муки. Но пока жив человек, живёт вера в его спасение. И даже один отвоёванный день у смерти – это победа. Ничто не заменит этот день... Ещё один день, проведённый с самым родным человеком...

Мира замолчала, не зная, что ещё сказать и нужно ли вообще говорить дальше. Она была уверена, что такие вещи понятны, и нет никакой нужды объяснять. Альбина не стала возражать, но по другой причине. Просто продолжать бессмысленно, и это она поняла очень хорошо. Лишь сказала:

– У нас с вами разные взгляды на некоторые вещи.

После чего встала и ушла, не собираясь слушать тишину в не самой подходящей для неё компании.

Часть 2

Коррекция сознания

Альбина смотрела в окно, но ничего за ним не замечала. Ещё одно серое утро медленно проплывало мимо неё, не собираясь оставлять после себя никаких воспоминаний. И это начало надоедать. Какой-то однообразной, непримечательной стала её жизнь. Краски потускнели... Нет, они совсем исчезли. И ничто не предвещало перемен. Никто не обещал наполнить жизнь значимыми, и пусть даже не очень значимыми событиями, происшествиями, смешными случаями, о которых потом так приятно вспоминать в компании друзей. Вечеринки, приёмы, модные курорты, встречи и болтовня с подругами, часовые походы по магазинам... Всё куда-то делось, а ей так хотелось вернуть то, что наполняло её снизу доверху, что делало её счастливой. Чёрная полоса если и не завершилась, то уже точно поменяла цвет. Сын, наконец-то, дома, идёт на поправку. Почему-то врач вместо слова «выздоровел» произнёс непонятное для неё «стойкая ремиссия», после чего сообщил о том, что планы на ближайшее будущее строить не стоит в связи с поддерживающей химией, которая затянется на год. Для Жени сохраняются все ограничения, а соответственно, и для его родителей. После такого вступительного слова Альбина вообще перестала слушать. Она всегда относилась с пренебрежением к указаниям и советам посторонних людей, вот и сейчас решила не делать исключение. Для неё всё самое плохое осталось позади, а значит, пора перелистнуть страницу и начать жить. Именно жить, а не существовать. Гадая, когда же закончиться унылое прозябание, она взглянула на мужа, словно только он и знал ответ на этот каверзный вопрос.

Законный супруг был занят. Подвинув к себе ноутбук, он внимательно что-то там читал, не обращая никакого внимания на скучающую жену. И такая картина повторялась изо дня в день. Вообще в последнее время Пётр Александрович часто пребывал не то чтобы в плохом, но не свойственном ему настроении. Задумчивый взгляд, крайняя раздражительность без видимого повода, отсутствие аппетита, и ещё кое-какие перемены не в лучшую сторону навели Альбину на мысль, что у мужа не всё ладно в профессиональной деятельности. Но гладко никогда и не было. Как Валенко не раз говорил: политика – это вечная борьба. И он бросался в этот океан с головой, с огромным удовольствием, не представляя, что мог бы заниматься в этой жизни чем-то другим. Азартный и честолюбивый, Пётр Александрович многое отдал за право вступить на этот путь, компенсируя потери в прошлом невероятными достижениями в настоящем, легко переступая через обстоятельства и людей, оказавшихся у него на пути. У всего своя цена – в этом он был убеждён. И чтобы преуспеть в жестоком, беспощадном, постоянно трансформирующемся мире, нужно быть циничным реалистом. А остальное... Трудностей Валенко не боялся, стены пробивал лбом, а врагов умел не только уничтожать, но и привлекать на свою сторону. Чувствуя интуитивно, что выгодно, а что нет, обладая удивительной способностью приспосабливаться и договариваться, он умел ждать, и в итоге дождался своего звёздного часа. Удачливый бизнесмен в прошлом, не менее удачливый политик в настоящем, Пётр Александрович Валенко никогда не унывал благодаря своей воле и привитому с детства безразличию к окружающим. Что же сейчас могло такого произойти, что мешало ему спокойно спать по ночам?

– Петя, давай съездим куда-нибудь на выходные.

Пётр Александрович оторвал взгляд от экрана и посмотрел на жену. На секунду он скривился, давая понять, что исполнять очередной каприз благоверной не собирается.

– Не время сейчас.

В ответ Альбина удостоила мужа таким же искривлением губ, высказывая тем самым своё недовольство.

– А когда будет время?

– Ты лучше о Жене думай, а не об удовольствиях.

– Я только и делаю, что думаю о нём. День и ночь, ночь и день... Так и свихнуться можно. – Не увидев результата, жалобно добавила: – Мне так хочется отвлечься...

Валенко сложил на груди руки, переставил ноги.

– От меня-то ты что хочешь?

– От тебя я хочу понимания.

Пришлось снова взглянуть на Альбину, и уже не вскользь. Перед тем как произнести несвязную речь в своё оправдание, он вздохнул. Не любил Валенко, когда жена начинала докучать, не любил объяснять, не видя в этом необходимости – всё равно понять не сможет, тем более помочь.

– ...Мы не можем никуда поехать. Никакого отдыха... Не сейчас... Враги активизировались... Все так и норовят занять моё место... Твари! Проглотят и не подавятся же...

Альбина пожала плечами, не понимая в чём проблема.

– Но ты же не из таких, кто позволит себя подвинуть.

Улыбка – хитрая и горькая одновременно – скользнула на тонких губах:

– Времена изменились. Народ у нас поумнел, и наши лозунги для них устарели, а предвыборные обещания всё равно не исполнить... Нужны новые идеи, да такие, о которых бы заговорило всё общество, и, конечно же, поддержало. – Задумчивый взгляд упёрся в картину известного художника, а потому и дорогую, как и вся обстановка загородного особняка. Чета Валенко любила окружать себя роскошью – немного навязчивой, немного вульгарной...

– А твои советники ничего выдать не могут? За что же ты им платишь?

– Думаешь, всё так просто? Об осторожности забывать не стоит. Никогда не знаешь, как народ воспримет креатив?

– Не проверишь – не узнаешь.

Пётр Александрович оторвал взгляд от запечатлённой на холсте мечты гения и опять вздохнул:

– Всё равно предлагать нечего.

– Просто всё, что связано с прошлым – себя изжило, – сказала Альбина с видом всезнающего человека. – История никому не интересна. Ведь её постоянно переписывают под новое правительство. Да и кого сейчас увлекают идеалы далёких эпох? Времена изменились, сознание и нужды народа тоже. Так что долго не протянуть, рассуждая об устаревшей морали, тем более что ты не являешься её приверженцем. Передёргивание старых идей всё равно ничего не даст. Переписывай их, рассказывай по-новому – результат от этого не изменится. Нужно смотреть в будущее, и не бояться его. Это сегодня новое может казаться абсурдными, но завтра оно прочно укоренится в сознании. И кто первый объявит себя автором, тот и получит все почести.

Пётр Александрович смотрел на жену широко открытыми глазами. Он и не думал услышать от неё такую пламенную речь, достойную, как ему казалось, больших аудиторий; не знал, что она способна такое выдать. Правда, суть он так и не смог уловить или не успел, но Альбина удивила его, а такого он припомнить не мог.

– Не знаю, что ты имела в виду, но ты меня заинтриговала. Что это на тебя нашло? У тебя есть какие-то соображения?

– ...Да... Только не делай поспешных выводов, и обещай подумать.

– Давай выкладывай, что там у тебя?

Теперь задумалась Альбина – на секунд десять. Припомнился ей один разговор и реакция двух собеседниц на её откровения. Тогда непонимание её не задело, но сейчас она собиралась

открыться мужу, а его мнение ей не безразлично. Ведь если он забракует всё, что она собиралась сказать, то можно окончательно похоронить благородное стремление облегчить чужие страдания. Впервые ей захотелось сделать что-то значимое для всего общества, но если предложение не найдёт отклика у мужа, то Альбина решила дальше не упорствовать.

– На самом деле у меня есть одна... идея... Я об этом давно думала, но как-то не решалась рассказать тебе о своих мыслях...

– Говори уже, не томи. – Валенко от ожидания и вспыхнувшего интереса (не слишком сильного – ну что такого эдакого могла придумать его жена?) заёрзал на стуле.

– Ты когда-нибудь задумывался об эвтаназии... для всех? Без возрастных ограничений... Для взрослых и детей...

От неожиданности Пётр Александрович приоткрыл рот.

– ...Что?! Ты что? – вспыхнул Валенко. Салфетка оказалась на полу, а он от негодования замахал рукой перед носом жены, закричав не своим голосом: – Как тебе такое в голову пришло? Думаешь, это меня спасёт? Скорее, похоронит... Наш народ к такому ещё не готов... Даже слышать никто не захочет...

– Ну что ты раскричался? Успокойся.

Реакция была вполне предсказуемой, поэтому Альбина ещё не собиралась сдаваться. Она спокойно слушала, уже приготовив колкости и ответы.

– Люди ждут, что я буду решать их проблемы... Насущные проблемы – понимаешь?

– А ты собираешься этим заниматься?

– Дело не в этом.

– Именно в этом. Предложив новый законопроект, отвечающий потребностям современного общества, ты сможешь не только выделиться, но и отвлечь внимание оттого, что в данный момент решить не можешь.

– Если я предложу узаконить детскую эвтаназию, и это притом, что у нас не узаконена эвтаназия для взрослых... Я сам себе выкопаю могилу.

– Я так не думаю. Всё зависит, как преподнести эту идею, в каком свете показать.

– Эвтаназию можно показать в выгодном свете?

– Да. И сделать это нужно не только потому, что у тебя кризис идей. Дело вообще не в тебе. Я знаю, что проблем в стране достаточно...

– Откуда?

– ...Но если бы ты видел то, что видела я... Смотреть на страдания неизлечимо больных детей невыносимо... Эвтаназия – это проявление гуманности.

– А смотреть на тех, кто умирает в муках, но кто достиг совершеннолетия – гуманно?

– Нет. Поэтому и возраст в законе не стоит указывать.

Валенко качнул головой. Предложение жены его обескуражило. Это совсем не то, что он хотел услышать. И даже размышлять на эту тему он не собирался... Но одна минута убежала за другой, и категорическое «нет» плавно преобразовывалось в неуверенное «вряд ли», а там и «нужно подумать» замаячило на горизонте. И уже появились сомнения совсем по другому поводу. Возможно ли это? Хватит ли ему смелости, упорства? Да и как он сам к этому относится? Трудно за что-то бороться, не имея внутреннего убеждения. А выстоять как? Идея узаконить эвтаназию для всех настолько неоднозначна, настолько противоречива, что вызовет такой шквал критики. Валенко уже представил, сколько грязи выльют на его голову его же оппоненты, и от этого съёжился. Но почувствовав на себе насмешливый взгляд Альбины, тут же выпрямился, успокоился.

– Люди не оценят наших добрых побуждений. Они подумают, что это очередной способ их облапошить, и в чём-то они будут правы. Какие манипуляции возможны с таким законом...

– Тех, кто подвержен предрассудкам, конечно же, много, больше половины...

– Это мягко сказано.

– Но есть и те, кто задумывается о таких вещах, и воспринимает это совершенно нормально. А манипуляции возможны с любым законом, и об этом тоже нужно упомянуть. Всё зависит от... морального облика каждого отдельного представителя нашего общества.

– В этом-то и проблема. Уровень сознательности катастрофически упал за последние десятилетия. Мораль – слово, вышедшее из употребления, как ты справедливо заметила. Конечно, ещё можно прикрываться порядочностью. Но люди ведь знают в глубине души, какие они на самом деле. Каждый понимает, что если не он, то его подставят.

– Так было всегда. Просто раньше свою истинную сущность не принято было выставлять напоказ. А сейчас это слывет индивидуальностью. А индивидуальность не только поощряется, но и списывает все недостатки.

– ...Это разделит общество.

– Ну и пусть.

– А мне нужно его сплотить. Что за удовольствие быть лидером расколотовой страны?

– Зато страна, да и другие тоже, почувствуют твою силу, твой характер, если сумеешь отстоять предложенную тобой идею. К тому же, тебя поддержат западные соседи. А ведь ты об этом мечтаешь. Угоди им, и они не только пожмут тебе руку, но профинансируют рекламную компанию.

Валенко встал и подошёл к окну. Посмотрел на часы и подумал, что пора бы отправляться на работу. А за окном расцветала весна. Она пестрила яркими красками, растапливала снега своим теплом, навивала мечты, окрыляя ими же. Но на депутата Валенко Петра Александровича всё это уже не действовало. Да и не замечал он никогда этих странных сентиментальностей, лишь смену времени года, да и то только потому, что это непосредственно влияло на его работу. Зимой одни проблемы нужно решать, весной другие, осенью третьи... А летом... Надоело, опостылело всё. Уйти бы на законный отдых, уехать в дальние страны, где есть чистые private пляжи с белыми песками. На одном таком расположиться поудобней, смотреть на закат и попивать вкусный коктейль из трубочки... Нет уж. Такая беззаботная жизнь обязательно надоест, а вернуться будет очень сложно. Да и не для него это... безделье. Привык уж Пётр Александрович вершить судьбы народа... Мм... громко сказано. Просто привык он к своей значимости (видимой или нет – не важно), к широким полномочиям и необъятным привилегиям, к публичным выступлениям, и к толпе журналистов, вечно преследовавших его... В общем, к той жизни, от которой он ни за что не откажется по собственной воле.

– Ну и как же убедить «несогласных»? Может, у тебя и на этот счёт есть идеи?

– Петя, ты же политик. Ты и твои советники должны знать, как любой замысел, даже самый сумасшедший, внедрить в жизнь. Есть ведь технологии обработки сознания. Процесс по «правильному» настрою общества уже успешно опробован в других развитых странах. Насколько мне известно, сначала нужно растиражировать тему. И ничего, что многие будут возмущаться. Внимание лишним не бывает. Главное на этом этапе высказать нужное нам мнение, обосновать его. А всё спорное скрыть за понятиями, терминами...

– Ладно. – Валенко развернулся к жене. – Мне пора... Подумаю на досуге обо всём...

Альбина закусила губу, не зная праздновать ли ей победу или смириться с поражением.

– Что ж, подумай...

Мира молча смотрела, как Витя аккуратно доставал вещи из шкафа и так же аккуратно их складывал в чемодан. Этот процесс можно было бы и ускорить, но он не торопился, хотя Мира точно знала, что лишние минуты, проведённые в их общей квартире, дня него настоящее испытание. Иногда задерживая на нём взгляд, она гадала, зачем растягивать эту пытку? Возможно, законный супруг (нелепая формальность) не хотел, чтобы его побег был настолько явным. Но ведь жена и так всё знала, да и дочь уже поняла. Так что продолжать разыгрывать трагикомедию, конец которой известен наперёд, не имело смысла. И всё-таки причина

была, и заключалась она в том, что переступить порог означало перейти черту, за которую обратно уже не вернуться. Это было настолько очевидным, что Виктор непроизвольно вздрагивал от мысли о конце длинного периода его жизни. И вроде бы он не тосковал об этом, но как-то боязно от неизвестности. Будущее ничего не обещало, а прошлое... Ничто не повторится, ничего не исправить, не написать заново. Всё, что сейчас останется в маленькой двухкомнатной квартирке – не воскреснет ни при каких обстоятельствах. Не будет ещё одного шанса – Виктор уже израсходовал даже те, что были предоставлены ему в долг. Так что момент действительно фатальный. А может, дело в том, что он не окончательно всё решил? Может, не всё обдумал... за то бесконечное количество часов и минут, проведённых в одиночестве? В неожиданном порыве быть лучше Витя взглянул на Миру... и понял, что ничего не выйдет. Если его ещё терзали сомнения, то для неё всё решено окончательно и бесповоротно. И смотрела она словно сквозь него, словно мужа уже давно здесь не было.

– Я думаю, что так будет лучше... – В который раз Витя повторил эту фразу, как будто хотел убедить и себя, и Миру в её правдивости. – Чем меньше людей сейчас находится возле Вероники, тем лучше... Меньше шансов принести какую-нибудь инфекцию... Врач ведь сказал...

- Я помню, что сказал врач.
- Это ведь ненадолго...
- Пока Вероника не поправится.
- Да...

Витя опустил голову – от стыда. Всё так глупо, и то, что он сказал – глупо. Но чтобы он не сделал – всё будет выглядеть глупо. Ведь он прекрасно знал, что Веронику отпустили домой не потому, что болезнь отступила, и ей стало лучше, а именно потому, что всё безнадежно. Долгий курс лечения не принёс положительных результатов. И Вероника, эта девочка двенадцати лет, знала об этом лучше других. Она и попросила маму забрать её. Получив отрицательный ответ, стала умолять. Ведь ей хотелось в последний раз увидеть свою комнату, в которой всё так, как было при ней; посмотреть на улицу за окном – как она красиво цветёт весной; прикоснуться к книгам домашней библиотеки, которые так никогда и не прочтёт. Всё это будет существовать и дальше, но только без неё. Уверять себя, что надежда ещё есть, Мира не стала. Просто забрала дочь, махнув на всё рукой. В конце концов, какая разница, где навсегда закрыть самые дорогие глаза – на больничной койке или на диване опустевшей квартиры? Хотя бы это желание дочери исполнить, раз другое самое главное осуществить не может, и никто не может, никому это не под силу.

Каждый день Мира ждала... Жила в своём замкнутом мире, привыкая к нему. Она редко отвечала на звонки, лишь тем, от кого точно не последуют расспросы. Родственники и друзья недоумевали по поводу такого поведения, и, конечно же, обижались. Но Миру это не волновало. Она не собиралась объясняться, оправдываться, будто в чём-то виновата. А ещё Мира перестала часами сидеть в интернете в поисках чуда. Чудо... Нет, оно не случилось. Но что-то всё-таки произошло. Волшебство или затишье перед бурей – непонятно, но болезнь остановилась. Лейкемия не покинула истощённый организм, лишь перестала прогрессировать. Веронике не стало лучше, но и хуже не становилось. И даже зрение потихоньку возвратилось. Никто не делал никаких прогнозов, никого это не обнадежило, и Миру в том числе. Она продолжала ждать, не рассчитывая на иной финал.

- Я буду часто приходить...
- Вероника будет этому рада...
- А ты?

Услышав вопрос, Мира взглянула на мужа. Заглянула ему в глаза, смутила и отвернулась, так и не ответив.

- Попрошайся с дочерью.

– Конечно...

Витя вышел из комнаты, и только после этого Мира вздохнула. Ей хотелось, чтоб этот день скорее закончился. Какой-то он нескладный, тягостный. Ещё и тянется, словно в нём сорок восемь часов вместо положенных двадцати четырёх. *«И он всё никак не уйдёт... И я никак с мыслями не соберусь...».*

– Мира...

Мира обернулась. В дверях стоял муж (кто же ещё?).

– С Ланой я попрощался... Пойду.

– Конечно...

Витя зашёл в комнату, взглядом попросив на это разрешение, взял старательно собранный чемодан, оглянулся на пороге и вышел. Дверь за ним закрылась, замок провернулся. Какое-то время он стоял и смотрел на подъездные стены, на серую лестницу; представил, как он по ней сейчас спустится, что было совершенно лишним. Решив больше не напрягать воображение, он сделал первый шаг, потом второй и не заметил, как оказался на улице. Капризный мартовский ветер встретил его всё ещё холодными объёмами, от которых Виктор заёжился. Пройдя метров сто, он всё-таки оглянулся, словно ожидал, чего и сам не знал. Да это было и неважно. Всё равно не оправдалось. Поэтому больше он себе такой слабости (?) не позволял. Так и шёл, потом ехал, потом опять шёл, и всю дорогу над ним нависало огромное ярко-голубое небо, но так и не рухнуло ему на голову.

Уборка в комнате не заняла много времени. Утром Мира уже исполнила этот ежедневный ритуал, и всё равно решила, что повторить его не помешает. И для Вероники польза, и себя займёт. Увы, не думать всё равно не получалось. Мысли... Откуда их столько? Поток не иссякал. И почти все об одном и том же. Лишь иногда запутывалась среди них та, что дарила надежду. Но этот луч света в крошечной тьме едва лишь вспыхивал, как, тут же, угасал, и снова сознание погружалось во мрак. Снова тяжёлые, мрачные думы накатывали, побеждали... У них безграничная власть, поэтому побороть их сложно... почти невозможно. Мира пыталась, но не выходило. Попробовать бы снова, но желания не было.

Закончив убирать, Мира встала посреди комнаты. Она внимательно смотрела, вглядывалась пристально во все углы, но придирчивый взгляд не подметил ни одной пылинки. Хвалить себя не стала, расценив вложенные усилия как само собой разумеющееся. Потом принялась раскладывать по местам то, что оставил после себя муж. Думая, что взять, а что не понадобится в новой жизни, Витя брал всё, что попадалось под руку, долго рассматривал, и если вердикт был отрицательным, то оставлял ненужные вещи где придётся. Мира не сердилась, усмотрев в этом ещё одну возможность занять себя. Она аккуратно собрала развалившийся на несколько частей миниатюрный домик – самое ценное воспоминание о детстве. Этот предмет, доставшийся ему по наследству, вполне можно было починить, но Виктор не забрал его с собой, предпочтя, как думала Мира, проститься с прошлым, раз уж представилась такая возможность. Потом убрала в шкаф нарочно забытые мужем рубашки. Те, которые она ему покупала. Что ж, воспоминания тоже бывают лишними. Ненужным оказался и портсигар из крокодильей кожи, подаренный на свадьбу. Станный подарок, если учесть, что Витя никогда не курил.

Мира решила, что когда-нибудь соберёт всё это в кучу, запихнёт в большой кулёк и выкинет на свалку. Она обязательно это сделает, когда придёт время, а сейчас она посмотрела в зеркало, чтобы увидеть выражение своего лица пред тем, как зайдёт в комнату Вероники. Двойник с печальными глазами смотрел на неё, и, по всей вероятности, утешать не собирался. Мира заставила себя улыбнуться, но улыбка получилась натянутой. Тогда встряхнула головой, но грусть в глазах не растворилась. Да и куда она денется, если настроение зависло на нулевой отметке? Но как только Мира переступила порог детской комнаты, на душе посветлело. Солнце залило всё небольшое пространство, погрузив хозяйку сонного царства в упоительное состоя-

ние блаженства. Согретая теплом, подаренным самой большой планетой, Вероника дремала, держа в руке недочитанную книгу. За те две недели, проведённые дома, она читала запоем. Оказалось, это очень увлекательно – читать. Чужая фантазия, рассказанная прекрасным языком, захватывала её настолько, что Вероника оторваться не могла от современных историй и тех, что были написаны давным-давно, но оставались актуальными и по сей день. Сколько нового она для себя открыла, сколько всего, о чём она и не догадывалась. Сколько того, чего никогда с ней не произойдёт... С удовольствием погружаясь в удивительные миры, Вероника легко забывала о том, в котором всё ещё жила, и верила, что обязательно найдёт дорогу в иные измерения, где продолжит свой путь. Всё непременно произойдёт, всё ещё случится...

От застывшей улыбки на губах дочери Мира прослезилась. Подошла как можно тише, присела на краешек дивана и смотрела, спрашивая себя, не чудо ли это? Время остановилось, и даже часы перестали тикать, но Вероника зашевелилась, нахмурилась, приоткрыла глаза. Когда увидела маму – снова улыбнулась. Такая сонная, такая счастливая...

– Мама, ты давно здесь?

– ...Нет... – Мира взглянула на часы. – Минут пять... Извини, что разбудила...

– И вовсе ты меня не будила. Я сама проснулась.

– Засыпай. Я только книгу заберу, чтобы не мешала.

– Только далеко не ставь. Я проснусь, и снова буду читать.

– Хорошо...

Книгу Мира положила на стол и снова обратилась к дочери:

– Вероника... – и только потом увидела, что она уже перевернулась набок.

– Что?

– ...Я уйду ненадолго...

– А куда?

– Схожу в магазин... Если что – звони.

– Хорошо, – согласилась Вероника, и уснула.

На мгновение показалось, что всё, что было – было лишь сном. Тяжёлым, плохим, но всего лишь сном, от которого ничего не останется после пробуждения. Нужно только проснуться... Мира вытерла слёзы. Все мы однажды проснёмся, но уже не здесь.

Мира тихо вышла из комнаты, быстро оделась и ушла. Пока спускалась по лестнице, обернулась раз пять. По дороге в магазин дважды остановилась, проверяя на месте ли телефон. И всё из-за того, что не любила она оставлять Веронику одну. Но и сидеть, как на привязи возле дочери тоже не хотела, не желая напоминать постоянно взглядом или словом о той трагической ситуации, в которой они оказались. А это обязательно происходило, ведь Мира не свыклась с реалиями, не смогла.

...В супермаркете играла музыка. Незнакомые песни неизвестных Мира исполнителей ненавязчиво врезались в сознание. Бывало, некоторые фразы о чём-то напоминали, возвращали в давно забытое прошлое, а некоторые вообще отталкивали своей не содержательностью. Но Мира всё равно прислушивалась и к незатейливым мотивам, и к рекламе, которая периодически их перебивала. Она делала это нарочно, даже заставляла себя, полагая, что это отвлечёт. Ей так нужно было переключиться на что-то другое. Впервые за долгое время Мира почувствовала усталость, не физическую, а моральную. Пустота внутри разрасталась как раковая опухоль, медленно поглощая всю её миллиметр за миллиметром. Мира смутно догадывалась, какое лечение помогло бы. Но вместо этого измеряла шагами длинные ряды, не зная толком, что ищет. Просто ходила от полки к полке, смотрела на выставленные товары, и не понимала, откуда это странное ощущение, что здесь нет того, что ей надо. Побродив по магазину, Мира взглянула на часы – пора, расплатилась за продукты и ушла, оставив внезапно возникшую потребность в чём-то непонятном без внимания. Но домой почему-то пошла иным путём. Свернула в другую сторону, не дав себе даже секунду на размышление – подумает потом,

по дороге, когда поворачивать обратно станет бессмысленно. Так и произошло. Мира, не ускоряя шаг, смотрела по сторонам и искренне не понимала, зачем делает такой крюк. Ради чего она выбрала маршрут, по которому уже не ходила лет сто? Смотреть ведь не на что. Разве что на цветущие деревья. Мира неожиданно для себя улыбнулась, согласившись с собой, наверное, что из-за этих удивительных пейзажей стоит пройти лишних двести или триста метров. Ведь именно в этом проявлялась вся магия весны, вся красота этого загадочного времени года. И не бывает весна похожа на предыдущую. Всегда она новая, всегда волнительная...

Мира заглядывала в окна серых многоэтажек. Мимолётный взгляд ничего не подмечал, не впивался в незнакомые лица в амбразурах чужих судеб. Но, не требуя ни от кого откровения, ей самой захотелось открыться. Рассказать тому, кто готов слушать, не перебивая, не поучая, не оценивая её поступки и мысли. Захотелось расплакаться на взрыв – наконец-то позволить себе эту слабость. Увы, рядом никого не было. Словно желая в этом убедиться, Мира остановилась, посмотрела в одну сторону, потом в другую, и увидела церковь. Удивление в первые секунды заставило её снова осмотреться, после чего приступ топографической амнезии мгновенно прошёл. Конечно же, район знакомый, и даже очень. Просто забыла она о маленькой церквушке, стоявшей на этом месте с незапамятных времён. Если бы не пошла этой дорогой, то и не вспомнила бы. А вот причину, по которой кому-то захотелось ей об этом напомнить, не понимала.

Мира подошла ближе, потом ещё ближе. Остановилась перед ступенькой, уставившись на неё, как на нечто необычное. В раздумьях надела на голову капюшон, перекрестилась и вошла. Купила свечку... Зачем? Куда идти – знала, ведь была здесь не впервые. Но дату своего последнего посещения вспомнить не могла. Да и не старалась. И так знала, что это было давно. До прошлогодней драмы церковь Мира посещала в основном по праздникам, но и без повода иногда заходила. Чего в этом было больше – веры или всего лишь подчинения странному словосочетанию «так надо» – она не могла понять. А когда совсем забыла дорогу в храм божий, перестала и задумываться над этим вопросом. Надежда на высший разум пошатнулась, а «так надо» больше не срабатывало. Ни попыток оправдать себя, ни обещаний, что исправится в скором времени. Раз всё предначертано, раз решено всё за нас, и будет только так, как написано в какой-то там книге судеб, значит, и просить не о чем. Мира никого не обвиняла в своём горе, тем более того, на ком сейчас задержала взгляд. Просто рассматривала икону, начав снизу. Ей было всё интересно: краски, детали одежды, застывшие глаза... Она долго в них смотрела, пристально, и вдруг понеслось. Губы сами разомкнулись, нарушив обет молчания, и Мира заговорила... шёпотом, чтобы слышал только ОН. И уже не удивлялась ничему, не отворачивалась. Не пыталась себя остановить, понять, как же так вышло. Не расставляя точек, пропуская запятые, она говорила и говорила, пока не высказала всё, что накопилось, пока не выплакала все слёзы, предназначенные именно для него... Для того, кто мог понять и простить.

Когда долгий тяжёлый монолог закончился, Мира прикоснулась губами к иконе, подняла с пола сумку и ушла. Она больше не смотрела по сторонам, лишь себе под ноги. И только на пороге своей квартиры она почувствовала, как упал камень с души... И увидела свет... в конце тоннеля.

Мира зашла, и перед тем как включить свет, прислушалась. Её интересовали любые звуки, которые могли свидетельствовать о переменах, только на первый взгляд незначительных. Она даже не знала, боится ли она этих перемен или желает их. Но единственное, что она слышала – тишину. Немного разочаровавшись, немного обрадовавшись, Мира, словно не желая разбудить сладко задремавший день, тихо сняла куртку, разула сапоги, всё так же тихо прошла на кухню и там, и это было неизбежно, тишину нарушила шуршанием и приглушёнными стуками. Когда все покупки были расфасованы и спрятаны по своим местам, Мира

замерла на секунду, чтобы констатировать небезызвестный факт: кухня не то место, где можно насладиться безмолвием.

Потом Мира напрямик направилась в комнату дочери. Возня на кухне вряд ли могла не разбудить Веронику, но всё равно шагов было не слышно. Мира не стала вести себя иначе, даже когда увидела, что дочь уже не спит. Вытянув руки, Вероника смотрела на дверь, ожидая появления мамы.

– Ты пришла...

Мира прошла в комнату и присела на диван.

– А ты меня заждалась?

– ...Нет... Не успела. Я только проснулась... – Вероника, в подтверждении своих слов, вытянулась, закрыла глаза и улыбнулась.

– От шума на кухне?

– Нет. – Вероника сделала вид, что удивлена. – Всего не из-за этого. Я проснулась... Сколько можно спать? Мама, ты должна была уже давно меня разбудить. Я столько времени потеряла. А могла бы провести его с пользой для себя... Сколько прочла бы... А вместо этого – спала.

Мира насторожено взглянула на дочь:

– Всё-таки не стоит так усердствовать в чтении. Нужно поберечь зрение...

– Не нужно. Я же всё равно...

– Вероника. – Мира и сама не узнала свой голос, таким он был резким. – Не говори... Не смей... отчаиваться...

Вероника опустила голову, пряча глаза.

– Прости... Прости меня... – зашептала Мира сдавленным голосом, крепко сжимая хрупкую ладонь в своих руках. – Я не нарочно. Просто не хочу поддаваться... Не хочу, чтобы ты поддавалась...

Взгляд дочери – совсем не взгляд двенадцатилетнего подростка – проник глубоко, в самую бездну, и попал в цель. Как боялась Мира таких моментов, как избегала, всегда тщательно подбирая слова и интонации. Но от промахов никто не застрахован.

– ...От этого ничего не изменится. Ты же знаешь, мама... – Было сказано так тихо, даже покорно, без всякого желания бороться.

– Изменится, я в это верю... – И больше ничего. Слова как будто закончились именно в этот момент, а придумывать новые не было времени.

Мира встала.

– Я пойду, приготовлю ужин. Чего бы тебе хотелось?

Вероника поддержала попытку изменить тему и поднять настроение.

– Мам, ты же знаешь, что выбор у меня невелик.

– Да. Но это не значит, что мы не можем устроить себе небольшой праздник.

– По какому поводу?

– Без повода. Просто так.

– Здорово.

– А ты пока дочитай книгу. Конец у неё неожиданный.

– Не рассказывай, а то мне будет неинтересно.

– И не думаю. Ты сама скоро всё узнаешь.

Мира отправилась к себе в комнату. Вытерла слёзы, заставила тоску замолчать, переоделась и снова отправилась на кухню. Она уже знала, что приготовит, поэтому быстро достала из холодильника все необходимые продукты. Надела фартук и принялась за работу. А чтобы не думать... да, снова не думать, включила телевизор. Канал не выбирала – ей было всё равно, что мелькает на экране. Что поделаешь, если не интересно ей смотреть развлекательные передачи и длинные, растянутые как резина сериалы. Тем более что нужно ещё всё почистить,

помыть, нарезать... Как много времени человек проводит на кухне. И не потому, что хочет есть. Вернее, удовлетворять один из основных инстинктов, конечно же, необходимо, но еда для многих превращается в культ. А может, это предвзятое отношение, обусловленное нелюбовью Миры к приготовлению обедов? Никогда она не видела в этом удовольствие, только обязанность, которую необходимо было соблюдать, когда была семья, муж... Витя ушёл, а Вероника отказывалась есть в одиночестве. Вот и приходилось будить в себе голод...

Мира вдруг прислушалась, когда ход её мыслей нарушил незнакомый голос. Он так настойчиво проникал в сознание, вытесняя посторонние мысли и рассуждения на странные темы. А потом и в настроение закрался... И говорил этот назойливый голос о чём-то таком, что задело. Недолго думая, Мира прибавила звук и стала слушать...

«— ...В наши дни внимание к эвтаназии, как к общественному феномену, очень сильно возросло, и связано это не только с достижениями медицины в последние десятилетия, но и с изменениями в жизни людей, в системе ценностных ориентаций общества, что неизбежно привело к отбрасыванию отживших себя стереотипов и страхов. Благодаря высокому уровню общественного сознания и акцентированию внимания на правах человека, мы можем не просто говорить на эту тему, но и надеяться на результативность таких обсуждений. Сейчас идея легализации эвтаназии уже далеко не всем кажется абсурдной. И это несмотря на то, что против этого явления выступают представители самых разных религиозных направлений. Но даже среди скептиков есть те, кто считает добровольный уход от физических и душевных страданий нравственно оправданным. Нужно сказать, что аргументы противников и сторонников очень весомы, поэтому необходимо выслушать всех, и только тогда искать пути разрешения этой назревшей проблемы. И, конечно же, воспользоваться опытом других стран.

Итак, что же такое эвтаназия: шаг вперёд или банальный эгоизм, за которым стоит желание избавления от лишних хлопот?

Об этом мы поговорим сегодня. В нашу студию мы пригласили людей, которые являются сведущими в этом вопросе. Я хочу представить наших гостей: доктор философских наук, профессор... национального университета Вениамин Игнатьевич Грушинин; доктор медицинских наук, заведующий лучшей клиникой для онко-больных детей Ярослав Вадимович Шевчук и министр здравоохранения Ольга Андреевна Шварцман.

Я напоминаю: в течение всей программы, а мы в прямом эфире, для наших зрителей ведётся активное голосование. Вопрос: поддерживаете ли вы идею эвтаназии? Два варианта ответов: «да» и «нет». Вся необходимая информация у вас на экране. Не будьте равнодушными, выскажите своё мнение. Мы ждём.

А пока, пожалуй, начнём. И начнём с вас, Вениамин Игнатьевич».

Седовласый, строгий, преклонных лет мужчина начал разговор. По внешнему виду о его компетентности в данной теме сомневаться не приходилось, но внешность может быть обманчивой, поэтому Мира слушала дальше.

«— Я начну с того, что проблема эвтаназии не возникла в предыдущем веке, но только в последнее время наблюдается резкий скачок общественного интереса к ней. Об эвтаназии стали говорить, спорить, рассуждать... И повлияло на это, как вы уже сказали, достижения научно-технического прогресса, прогресса в области медицины, биотехнологий, что само по себе изменило, и даже очень сильно, всеобщие представления о морали, о гуманитарных ценностях, выработанных веками. Одним словом, произошли, конечно же, изменения в ценностных ориентирах, а вернее, обесценивание некоторых нравственных устоев прошлых лет. Всё, что общество создавало, накапливало, укореняло в сознании каждого из представителей рода человеческого, сейчас утрачивает значимость. И с каждым годом этот процесс не только не тормозится, а наоборот набирает обороты.

— Это называется прогрессом.

– Это не прогресс, а регресс. Ведь смысл эвтаназии заключается не в том, каким образом умертвить больного. Суть вопроса в принятии решения об умерщвлении. В древнем мире легко избавлялись от ненужных людей. И что же? Равняться на них?

– Но добровольный уход – это нечто другое. Это высокий уровень самосознания общества...

– Смерть – следующий этап постижения мудрости. Приближение конца заставляет задуматься над прожитой жизнью, осознать, какой была роль каждого конкретного человека. Зачем каждый из нас родился и жил. Каждый должен проходить весь путь развития, поэтому смерть нельзя приближать искусственно... Облегчённую смерть ведь можно рассматривать, как нежелание думать о смысле существования. А ведь это ведёт к деградации...

– Вы против эвтаназии – я правильно вас понял?

– Я хочу сказать... Раз уж эвтаназия стала ключевой проблемой современного общества, то необходимо обговаривать все без исключения аргументы как «за», так и «против». Это очень важно, если мы не хотим скатиться до уровня первобытных людей..., важно глубокое философское осмысление этих аргументов. Важно сбалансировать все позиции: и аксиологические, и морально-нравственные, и правовые, и адекватные нормативно-правовые. Конечно, эвтаназия затрагивает многие сферы и многие аспекты, но, на мой взгляд, это, в первую очередь, актуальная социально-философская проблема, и нельзя к ней подходить односторонне. Нужно раскрыть её с каждой позиции, подвергнуть глубокому анализу. Именно такой подход позволит всесторонне раскрыть эвтаназию как явление общественной жизни, имеющее серьёзные причины и ещё более серьёзные последствия.

– В истории человечества когда-нибудь возникала такая проблема?

– Безусловно. Эвтаназия восходит к религиозным культам и обычаям добровольно-принудительной смерти человека, который из-за уродства, увечий или наступления старости стал в тягость как себе, так и своим родственникам, и обществу в целом. Об этом писали ещё Диоген Лаэртский, Плутарх и Светоний, Софокл и Тацит... О самой эвтаназии как элемента системы социальной регуляции, о её морально-этической и социально-философской стороне писали многие деятели прошлых эпох. Бэкон, Вебер, Вольтер, Гоббс, Камю, Ницше... Эта тема интересовала их в контексте таких проблем как свобода выбора, соотношение социального и личного, смысл жизни и страданий. Но сам термин «эвтаназия» сформулировал Фрэнсис Бэкон в своём сочинении «О достоинстве и приумножении наук», определив облегчение от страданий как обязанность врачебного персонала. Он писал: «Я совершенно убежден, что долг врача состоит не только в том, чтобы облегчать страдания и мучения, причиняемые болезнями, и это не только тогда, когда такое облегчение боли, как опасного симптома болезни может привести к выздоровлению, но даже и в том случае, когда уже нет совершенно никакой надежды на спасение и можно лишь сделать саму смерть более легкой и спокойной, потому что эвтаназия, о которой так мечтал Август, уже сама по себе является немалым счастьем...». Хочу отметить, что Бэкон под эвтаназией понимал не умерщвление больного из сострадания, а избавление человека от мучительных страданий. «Лёгкая смерть» – вот что он имел в виду. Врач не должен отказываться от безнадежного пациента, а быть с ним до последних мгновений жизни, облегчая его участь.

– Это естественно, что термины и представления о некоторых вещах со временем трансформируются. Раньше, как вы знаете, эвтаназия не воспринималась основной массой из-за религиозных соображений.

– Да. В христианстве считается, что человек принадлежит Богу, значит, он не имеет права прерывать жизнь по своей воле. Когда церковь перестала владеть умами миллионов, когда произошли кардинальные социально-экономические и политические преобразования общества и государства, к эвтаназии стали относиться по-другому.

– Как вы сами выразились, раз уж эвтаназия стала ключевой проблемой современного общества, то может, стоит законодательно урегулировать этот вопрос? Речь ведь идёт о правах человека.

– Я глубоко убеждён, что легализация эвтаназии не будет способствовать расширению прав и свобод человека. Более того, такое решение вопроса способно породить целый ряд негативных явлений в общественной жизни. Никто не может гарантировать безусловно высокую нравственность каждого из нас. И не надо забывать, что одно действие порождает другое. А узаконить эвтаназию не значит решить проблему. Ведь человек, которому нужно принять решение о конце собственной жизни, зачастую не может подойти к этому вопросу объективно и безэмоционально. Человек в такие тяжёлые моменты психологически надломлен, и моральная поддержка может коренным образом изменить решение. Неужели высокоразвитое общество вместо этой поддержки введёт смертельную инъекцию? Каждый из нас – часть социального целого. Каждый из нас важен, каждый индивидуален, у каждого своя миссия, которую необходимо исполнить до конца.

– Но запрещать человеку добровольно уйти из жизни, когда обстоятельства иного варианта не предусматривают, тоже противоречит общегуманным ценностям. Смотреть, как кто-то в муках умирает, при этом знать, что ничто не поможет – разве не схоже с садизм

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.